

Научная статья

УДК/UDC 343

DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-153-157

О вооруженных мятежах одиночек, или особенности индивидуальной террористической деятельности**А. В. Ростокинский¹, Р. С. Данелян²**^{1,2} Школа права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ, г. Москва, Российская Федерация¹ *RostokinskiiAV@mgpu.ru*² *DanelyanRS@mgpu.ru*

Аннотация. В настоящей статье анализируются некоторые формы индивидуальной террористической деятельности, обусловленные личностными и микро. групповыми конфликтами в современном обществе. Дается определение террориста-одиночки и обосновывается недопустимость преуменьшения опасности их деяний вследствие особой трудности своевременного выявления и предотвращения, особой интеграции в мировое террористическое движение, роста возможностей для самостоятельной подготовки и осуществления данных преступлений, в том числе с использованием глобальных информационных сетей. Отмечается, что для данных проявлений не характерно одновременное наличие всех тех признаков теракта, которые получили закрепление в российском уголовном законе, сценарность посягательств, фрагментарность и закрытость контактов будущих террористов, их лучшая информированность, интеграция в местные общины, использование доступных вооружений и иных средств совершения преступлений, распространенность среди делинквентов психических патологий.

Ключевые слова: террор, террорист-одиночка, интернет, шутинг, сценарность, психические патологии.

Для цитирования: Ростокинский А. В., Данелян Р. С. О вооруженных мятежах одиночек, или особенности индивидуальной террористической деятельности // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 42, № 2. С. 153–157. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-153-157

Original article

About armed rebellions of singles or features of individual terrorist activity**Alexander V. Rostokinsky¹, Rita C. Danelyan²**^{1,2} School of Law of the Institute of Law and Management, State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Pedagogical University", Moscow, Russian Federation¹ *RostokinskiiAV@mgpu.ru*² *DanelyanRS@mgpu.ru*

Abstract. This article analyzes some forms of individual terrorist activity caused by personal and micro-group conflicts in modern society. The definition of a lone terrorist is given and the inadmissibility of downplaying the danger of their actions is justified due to the special difficulty of timely detection and prevention, special integration into the world terrorist movement, the growth of opportunities for independent preparation and implementation of these crimes, including using global information networks. It is noted that these manifestations are not characterized by the simultaneous presence of all those signs of a terrorist attack that have been fixed in the Russian criminal law, the scenario of attacks, fragmented and closed contacts of future terrorists, their better awareness, integration into local communities, the use of available weapons and other means of committing crimes, the prevalence of mental pathologies among delinquents.

Keywords: terror, a lone terrorist, the internet, joking, scenarity, mental pathologies.

For citation: Rostokinsky A. V., Danelyan R. S. About armed rebellions of singles or features of individual terrorist activity. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 42, no. 2, pp. 153–157. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-42-2-153-157 (In Russ.).

Терроризм в современном обществе характеризуется исключительным многообразием проявлений, и это многообразие еще более возрастает в обществе постмодерна по мере обвального умножения социальных групп с неизбежным ростом конфликтов между ними. Часть таких конфликтов

приобретают черты затяжных гражданских войн с различными кругом участников, степенью их вовлеченности и массовости, остроты и интенсивности противодействия.

В отличие от прежних гражданских войн, генерировавших терроризм, стороны конфликтов

эпохи постмодерна характеризуются аморфностью, малочисленностью, отсутствием вертикально интегрированных планирующих и организационно-командных структур. Терроризирование «противника» в данных конфликтах происходит не средством изменения общества, навязывания ему собственных политических программ, правовых систем и идеологий, а инструментом решения тактических задач противодействия или личных проблем конкретного участника, реже – немногочисленной группы соучастников.

Классическим примером террориста-одиночки, объявившего войну собственному социально-либеральному государству, стал А.Б. Брейвик (32 года на момент совершения терактов), устроивший взрыв самодельного взрывного устройства большой мощности в правительственном квартале г. Осло, а также массовый расстрел участников молодежного волонтерского лагеря (всего 77 погибших, 151 ранен). При этом террорист, признанный судом вменяемым, опубликовал многостраничное сочинение, в котором обосновывал свои деяния борьбой с процессами исламизации и насаждения социализма в Европе.

Подобные примеры давно известны и отечественной судебной практике. Например, врач П. Волюнский (31 год), отстраненный от лечебной работы ввиду прогрессирующего психического расстройства, в 1971 году собрал несколько самодельных взрывных устройств, с использованием которых пытался совершить убийство, а после устроил подрыв автобуса в г. Краснодаре. Действия виновного были квалифицированы как теракт, хотя сам Волюнский был признан судом невменяемым. В данном деле также фигурировал некий неопубликованный манифест «Лиги низкорослых людей». Террорист обосновывал в нем собственные действия борьбой за равноправие низкорослых, против «советского строя», допускающего дискриминацию.

Другую группу подобных преступлений, очевидно, террористического характера, составляют всевозможные шутинги (от англ. *«shoot»* (стрелять)) — расстрелы случайно собравшихся людей в целях устрашения или/или мести обществу или, как минимум, тем группам населения, к которым принадлежат потерпевшие. Нередко, действия преступников сопряжены с демонстративным самоубийством, тогда как убийство двух и более лиц — при отсутствии какого-либо выраженного конфликта между ними и виновным — становится своеобразным информационным фоном для суицида преступника.

Наибольшую известность получил расстрел учащихся и преподавателей, с последующим самоубийством террористов, в школе американского г. Колумбайн (13 погибших, 23 ранены), устроенный в 1999 году 19-летними Э. Харрисом и Д. Клибеллом с использованием охотничьего и спортив-

ного огнестрельного оружия, включая обрезы ручей, а также самодельных взрывных и зажигательных устройств. Полные версии дневников и записей виновных в социальных сетях отсутствуют. Известно, что они высказывали ненависть к обществу и готовность убивать как определенных лиц, так и любых других, случайно оказавшихся на месте планируемого преступления.

В СССР и после в России до недавнего времени подобные преступления были связаны, как правило, с мстью военнослужащих срочной службы, жертв неуставных отношений, своим обидчикам с использованием военного оружия, к которому виновные имели доступ по службе [1, с. 49]. Однако известны такие террористические акты, как покушение на Л.И. Брежнева, совершенное младшим лейтенантом В. Ильиным (1969) и захват заложников со стрельбой по гражданам, собравшимся на привокзальной площади в г. Курске военнослужащими срочной службы В. Коршуновым и Ю. Суровцевым (1968). В обоих случаях непосредственным мотивом преступлений выступает месть обществу за наличные или предполагаемые обиды. При этом Ильин, признанный судом невменяемым, в своих разрозненных записях связывал свои проблемы именно с особенностями политики КПСС и советского государства.

Однако, как легко убедиться на примере изменений текста статьи 205 Уголовного кодекса РФ [2], для отечественного законодателя приоритеты террористического «воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями» — при конструировании уголовно-правового запрета — постепенно вытеснили БЛИЖАЙШИЕ (выделено – Авт.) цели террориста: «нарушения общественной безопасности, устрашения населения».

Наверно, здесь можно спорить относительно качества определения в законе пределов и масштабов дезорганизации общей безопасности действиями виновных, а также ограничения законом совокупности устрашаемых лиц. Но без учета данных целей квалификация действий террористов-одиночек будет крайне затруднительна и необъективна. Следовательно, и профилактика подобных явлений, включая её важнейшую на данный момент оперативно-розыскную составляющую, будет еще более затруднена, а различные службы противодействия террористам будут и дальше «готовиться к вчерашней войне».

Во второй половине XX века психологи Кларк Мак-Коли и Мэри Сигал установили, что главным фактором, объединяющим людей в террористические сообщества, были и остаются не политические, идеологические, религиозные и т.п. общественные противоречия, а личные обиды. Недовольные сплачиваются и маргинализируются, их взгляды становятся все более экстремистскими. Это выступало в качестве социального усилителя

межгрупповой агрессии, срывающий внутренние тормоза и побуждающий — на личностном уровне — ко всё более разрушительным действиям [3, с. 360]. В наши дни для получения подобной поддержки обиженному лицу не обязательно непосредственно участвовать в группе. Потенциальный бунтарь или террорист может легко получить искомую подпитку в Интернете, почувствовав себя частью чего-то опасного и большого.

В этой связи целесообразно выделить ряд существенных отличий несистемных террористов-одиночек от участников «классических» системных формирований (сообществ-движений, организаций, террористического подполья) [4, с. 160; 5, с. 119], с действиями которых столкнулись многие государства, включая СССР и Российскую Федерацию:

1. Усеченность объективной стороны теракта, закрепленной в ст. 205 УК РФ. Как правило, «повстанец»-одиночка, решивший убить и/или напугать побольше людей, не выдвигает никаких требований органам власти или международным организациям в качестве условий прекращения дальнейших посягательств. Тем более, если планируемый теракт сопряжен с самоубийством, либо предполагается ликвидация нападающего полицейскими, такие требования в принципе бессмысленны. Публикуемые «манифесты», клятвы, присяги выступают лишь средством обоснования совершаемых деяний, реже — самоидентификации с одной из сторон какого-то наличного или декларируемого конфликта, еще реже — отрицания такого тождества.

2. Способ подготовки определяется непрерывным взаимодействием исполнителя (реже — соисполнителей) с той группой, общиной, частью населения, против которой и планируется совершение теракта. Здесь нет необходимости специально готовить террориста к такому взаимодействию на месте совершения теракта, снабжать его документами, легендирующими преступную деятельность, приобретать транспорт или проездные документы, дополнительно изучать место совершения теракта, предварительно оборудовать конспиративные квартиры, тайники с вооружением и боеприпасами. Террорист-одиночка, как правило, уже находится или проживает на месте подготовки будущего теракта, никак не афиширует свою подготовительную деятельность. У него значительно меньше шансов быть выявленным на стадии подготовки преступления и покушения, чем у участника относительно многочисленной подпольной организации, тем более приезжего, иностранца.

3. Вместо относительно жесткой включенности в иерархические структуры экстерриториальной террористической организации по схеме: экстремистское сообщество как совокупность лиц, сочувствующих деятельности террористической организации, — исполнитель — боевая группа (бригада, джамаат и т.п.) — кураторы, бригадир, организатор, центр подготовки — высшие руководители и идеологи [6, с. 226; 7, с. 37], — одиночка

практикует лишь эпизодические и функциональные контакты с интересующими его лицами и информационными ресурсами и лишь по собственной инициативе. В таких контактах содержательно выделяются три основные группы:

а) связанные с психологической и идеологической обработкой (само-обработкой) будущего террориста и обменом информацией с сочувствующими лицами, реже — угрозы определенным лицам или группам, представителям власти и т.п.;

б) связанные с приобретением/изготовлением вооружения, боевых припасов, их компонентов, экипировки, транспортных средств, организацией тренировок, испытаний приобретенного или изготовленного арсенала, а также сбором сведений о конкретном объекте, месте совершения преступления, размещении и распорядке работы организаций, посещаемости, системе обеспечения безопасности и т.п.;

в) связанные с поиском детализированной информации о приемах и средствах совершения подобных террористических актов, вплоть до сбора подробностей о действиях конкретных исполнителей и их внешнем виде в момент посягательства.

С одной стороны, наличие периодических контактов такого рода, тем более различных видов, у одного субъекта представляет оперативный интерес [8, с. 1101]. С другой стороны, а отличие от личного общения, их проще скрыть или — в случае обнаружения — легендировать, обосновать вполне «мирными» или социально нейтральными интересами, например, религиозными поисками, желанием приобрести новую специальность, участием в волонтерских организациях, спортивными увлечениями, как поступили, например, Д. Виноградов (в 2012 году он убил 6 и ранил одного сотрудника в офисе компании «Ригла», г. Москва) и В. Росляков (в 2018 году при нападении на колледж в г. Керчи убил 21 и ранил 67 человек). Особенно легко это удастся, если у подозреваемого в прошлом отсутствуют факты привлечения к уголовной ответственности, связи с криминальными сообществами, экстремистскими организациями при минимальном и формализованном взаимодействии с правоохранительными органами.

4. Примитивизация способов совершения посягательства, редкое использование специальных навыков, боевого оружия и специальных средств, недоступных широкому кругу лиц. Используется то, что проще достать: законно приобретенное охотничье и спортивное оружие, примитивные самодельные взрывные и зажигательные устройства с зарядами из бытовой химии и автомобильного горючего либо хозяйственный инвентарь (ножи, топоры, резак), а также гражданские транспортные средства, к управлению которыми виновный имеет допуск на законных основаниях.

Однако тяжесть последствий определяется не наличием или отсутствием соучастников, продолжительностью подготовки преступления,

а, в основном, поражающими свойствами вооружения и иных средств, используемых виновным, а также его профессиональными навыками. Примерами могут служить авиакатастрофа, устроенная 27-летним А. Лубецем в 2015 году в Сев. Провансе (погибли 150 человек, включая пилота-террориста), или расстрел собравшихся на фестиваль кантри в Лас-Вегасе 64-летним коллекционером-ружейником и профессиональным стрелком Ст. Пэддоком, доставившим арсенал своих скорострельных винтовок и боеприпасов к ним в номер на одном из высотных этажей отеля, расположенного на небольшом удалении от места проведения массового фестиваля (погибли 58 и ранены свыше 700 человек).

5. Сценарность при планировании теракта и его осуществлении: предварительно хорошо изученный чужой криминальный опыт принимается за образец и копируется даже в незначительных деталях. Например, В. Росляков, скопировав внешний вид Эрика Харриса, подражал участникам расстрела в Колумбайне, Д. Виноградов — Брейвику. Сам же Брейвик копировал стиль 27-летнего полицейского-террориста У. Бомгона из Юж. Кореи (в 1982 году он убил 56 и ранил 35 случайных жертв), и даже отправляясь на остров, оделся в форму полицейского, как Бомгон.

При этом не следует путать поведение террористов с обычными сумасшедшими, решившимися убить себя в том числе путем нападения на очевидно более сильных лиц. На острове Утойя нес службу по охране молодежного лагеря только один безоружный полицейский, который и был убит одним из первых. В офисе фармацевтической компании охрана располагалась за несколько этажей до места нападения Виноградова, и легко пропустила его как хорошо знакомого человека. А. Люберс не вступал в противоборство с командиром экипажа «Эйрбаса», а просто заблокировал дверь пилотской кабины в отсутствие того. То же можно сказать и о нападениях на учебные и лечебные заведения в России и в других странах: любое оружие на их территории запрещено.

6. Психические патологии как катализирующий фактор и, одновременно, важный демаскирующий террориста признак. Например, анализ обширного зарубежного и, к счастью, скудного отечественного опыта показывает, что все «школь-

ные стрелки» проходят примерно одинаковый путь — от тихого, часто неприметного чудака до отчаянного мстителя-самоубийцы. Далеко не всегда они являются жертвами каких-либо издевательств, буллинга. Чаще всего это просто подростки, не понятные окружающим, сверстникам и взрослым и отвергнутые ими, которые страдают от одиночества и отсутствия теплых эмоциональных привязанностей. В частности, это может быть внешне вполне благополучная и обеспеченная семья, в которой, тем не менее, присутствует жестокость, практикуется психологическое подавление, предъявляются завышенные требования к ребенку, отсутствуют доверительные отношения, постоянно происходят конфликты, — постоянный стресс запускает механизмы мести, в том числе, посторонним лицам или целым коллективам.

Как правило, все террористы-одиночки имели пограничные личностные расстройства, отягченные органическими поражениями мозга, аутизмом, депрессиями, многие — глубокие шизотипическое и психопатические расстройства личности, часто с наркотической зависимостью различного происхождения. Подобные патологии не формируются в одночасье, но имеют собственную логику развития и начинают проявляться еще до подросткового возраста, на дошкольном этапе. Поэтому для их своевременной диагностики и последующей профилактики очень важно наличие специалистов, клинических психологов и психиатров, которые своевременно выявляли бы таких детей.

Таким образом, террористом-одиночкой является лицо, формально не входящее в состав какой-либо террористической организации, совершающее теракт по собственной инициативе и/или под влиянием агитации и пропаганды террористов. Нельзя преуменьшать опасность подобных преступлений, прежде всего, ввиду особой трудности их предотвращения, своеобразной интеграции в более широкий контекст глобального терроризма и экстремистских движений, независимо от личных целей и мотивов конкретного преступника. Кроме того, по мере развития современных информационных систем существенно расширяются возможности не только саморадикализации отдельных лиц, но и самостоятельной подготовки и совершения ими террористических актов.

Список источников

1. *Жирнов Е.* Дело о бойне в казарме // *Коммерсантъ-Деньги*. 2013. №15. С. 49–50.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ: в ред. от 25 марта 2022 г.). Доступ из справочной системы «Гарант».
3. *Майерс Д.* Социальная психология: пер. с англ. СПб.: Питер, 2011. С. 360–379.
4. *Салимов К.Н.* Современные проблемы терроризма. М.: Щит-М, 1999.
5. *Бейбулатов Б.Ш.* Криминологическая характеристика личности организатора, руководителя незаконного вооруженного формирования // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 6. С. 118–125.

6. Дашаев Р.Х. Портрет личности участника современной религиозной террористической деятельности // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2007. №6. С. 225–228.
7. Ростокский А.В., Толпекин К.А. Ещё раз о признаках терроризма, предметах посягательства и террористической тактике // Российский следователь. 2014. №9. С. 36–39.
8. Павлик М.Ю., Боричев К.В. Терроризм одинок: основные тенденции и особенности противодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №1 (85). С. 106–112.

References

1. Zhirnov E. Delo o boine v kazarme [The case of the massacre in the barracks], Kommersant"-Den'gi [Kommersant-Money], 2013, no. 15, pp. 49-50.
2. Ugolovnyi kodeks RF ot 13 iyunya 1996 g. №63-FZ: v red. ot 25 marta 2022 g. [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996: as amended from March 25, 2022. Access from the legal reference system "Garant". (In Russ).
3. Myers D. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]: trans. from English. St. Petersburg, Piter Publ., 2011, pp. 360-379. (In Russ).
4. Salimov K.N. Sovremennye problemy terrorizma [Modern problems of terrorism], Moscow, Shield-M Publ., 1999. (In Russ).
5. Beybulatov B.Sh. Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti organizatora, rukovoditelya nezakon-nogo vooruzhennogo formirovaniya [Criminological characteristics of the personality of the organizer, the head of an illegal armed formation], "Chernye dyry" v rossiiskom zakonodatel'stve ["Black holes" in Russian Legislation], 2008, no. 6, pp. 118-125. (In Russ).
6. Dashaev R.H. Portret lichnosti uchastnika sovremennoi religioznoi terroristicheskoi deyatelnosti [Portrait of a personality of a participant in modern religious terrorist activity], "Chernye dyry" v rossiiskom zakonoda-tel'stve ["Black holes" in Russian Legislation], 2007, no.6, pp. 225-228. (In Russ).
7. Rostokinsky A.V., Tolpekin K.A. Eshe raz o priznakakh terrorizma, predmetakh posyagatel'stva i ter-roristicheskoi taktike [Once again about the signs of terrorism, objects of encroachment and terrorist tactics], Ros-siiskii sledovatel' [Russian investigator], 2014, no.9, pp. 36-39. (In Russ).
8. Pavlik M.Yu., Borichev K.V. Terrorizm odinochek: osnovnye tendentsii i osobennosti protivodeistviya [Terrorism of individuals: the main trends and features of counteraction], Vestnik Sankt-Peterburgskogo universi-teta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1 (85), pp. 106-112. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростокинский Александр Владимирович, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления ГАОУ ВО «Московский городской университет (МГПУ)», профессор, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: RostokinskiiAV@mgpu.ru

Данелян Рита Суменовна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: DanelyanRS@mgpu.ru

Поступила в редакцию 22.09.2021г.; одобрена после рецензирования 04.04.2022 г.; принята к публикации 06.04.2022 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rostokinsky Alexander Vladimirovich, Head of the Department of Criminal Law Disciplines at School of Law of the Institute of Law and Management, State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Moscow State Pedagogical University, Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russian Federation, E-mail: RostokinskiiAV@mgpu.ru

Danelyan Rita Surenovna, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Moscow City Pedagogical University, Candidate of Law, Moscow, Russian Federation. E-mail: DanelyanRS@mgpu.ru

Received 22.09.2021; approved after reviewing 04.04.2022; accepted for publication 06.04.2022

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.